
ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Представления современной вузовской молодежи о будущем

О.Д. ВОЛКОГОНОВА, А.В. МАЛОВ, Е.М. ПАНИНА

Мы унаследовали культуру, которая страдает дальностью и различает лишь далекое. Человечество, Всемирность, Единство, Знание, Справедливость — вот сокровища, которые нам обещаны. Но как до них добраться, спотыкаясь на каждом шагу из-за хваленной дальности?

Х. Ортега-и-Гассет

Прошло всего несколько десятилетий, и шокирующее утверждение М. Хайдеггера о том, что «время временится из будущего», стало трюизмом. Действительно, мысль о том, что не только для отдельного человека, но и для общества проект грядущего является моментом, определяющим его настоящее, кажется очевидной. Нелинейный характер общественного развития обуславливает многовариантность, альтернативность выбора в зависимости от того или иного образа будущего. Модели грядущего всегда занимали важное место и в сознании индивида, и в коллективном сознании группы, общества. Их можно назвать своеобразной энтелехией, которая направляет социальную жизнь в ту или иную сторону.

Вечная дилемма должного и сущего была тем концептом, с помощью которого познавался, переживался, осмысливался мир. Специфическими чертами российской культуры традиционно были абсолютизация должного, устремленность к идеалу, утопизм. Такая приверженность абсолютному идеалу, бескомпромиссное отвержение мира сего, убеждение в грядущем торжестве среди людей безусловной правды, надежда, что некий совершенный град может быть построен здесь, на земле, проявились и в идеале Святой Руси, и в вере в победу коммунизма. Судьба родного Отечества всегда рассматривалась в русской мысли не только на прагматическо-политическом уровне, но и на философско-историческом, когда шли поиски высшего смысла, предназначения, миссии России в мировой истории, а сам путь страны воспринимался как служение некой цели. Возможно, именно эта особенность отечественной культурной

традиции способствовала принятию обществом различных вариантов тоталитарных и авторитарных идеологий: ведь именно в них центр тяжести переносится на грядущее процветание и настоящее приносится в жертву будущему.

Советское общество в идеологическом плане тоже было устремлено в будущее — построение коммунизма являлось той сверхзадачей, которая объединяла несколько поколений. Коммунистический идеал был ядром господствовавшей в обществе идеологии. Он давал высшую легитимацию, смысл существования общества. В то же время чрезмерная ориентированность идеологии на будущее отчасти лишала ценности существовавшие формы общественного бытия, превращала любую деятельность (в том числе научную, художественную и др.) в средства для достижения выдвинутых идеологией целей. Разумеется, специфической задачей любой идеологии является формулирование долгосрочных стратегических, программных целей, и предвидение будущего имманентно входит в идеологическую систему. Причем речь идет не о конкретных прогнозах, а о выдвигании социального идеала — любая идеология концентрируется на макроуровне социальных явлений и процессов. Идеология играет роль социальной макрогипотезы, на основе которой вырабатывается определенная система ценностей. Вместе с тем в идеологии советского общества проблемы социального идеала приобрели не просто важное, но первоочередное значение: коммунизм был тем абсолютным критерием, с помощью которого оценивались достижения, события, поступки, — способствуют они или мешают «делу коммунизма». Видимо, Ленин был недалек от истины, когда писал о своем видении марксизма: «Вся теория Маркса есть вопрос применения этой теории ...к будущему развитию будущего коммунизма» [*Ленин* т. 38, с. 84—85]. В обществе сложилась ситуация тотальности идеологических ценностей и огосударствления идеологии. Вся система государственной пропаганды и манипулирования массовым сознанием была направлена на то, чтобы внушить людям, о каком будущем они должны мечтать, ради чего они должны сознательно ограничивать свои потребности. Причем идеологическое воздействие осуществлялось адресно и дифференцированно: вера в коммунистический идеал среди учащихся начальной школы формировалась не так, как в трудовых коллективах.

Надо сказать, что советская система идеологического воспитания работала эффективно (в либеральных же обществах массы обычно довольно инертны и мало озабочены отдаленным будущим), и коммунистический общественный идеал не просто усваивался личностью, но в качестве модели должного побуждал ее к социальной активности. Особенно это было характерно для молодежи. Юношеский романтизм и максимализм, неприятие скептицизма взрослых, обостренные поиски смысла жизни, характерные для этого возраста умозрительные представления о «должном» делают молодежь благодатной почвой для воспитательного воздействия, особенно базирующегося на привлекательном образе грядущего. Поэтому, несмотря на наличие в среде молодежи советского периода лиц, отрицавших господствовавшие ценности и идеалы (ориентация на альтернативные ценности свойственна молодежи любого общества), в целом принятие коммунистического общественного идеала было типичным.

Очевидно, что идеал формируется в контексте культуры, включающем в себя многие элементы — политические, правовые, религиозные, эстетические и т. д. Современная российская ситуация, которую многие исследователи опи-

Представления современной вузовской молодежи о будущем

сывают как аномию, создала свой контекст для выдвижения, восприятия, усвоения, критики социальных идеалов. Крушение старых идеалов и отсутствие адекватной замены утраченному вновь поставили вопрос о своеобразии исторического пути страны. Специфика переживаемого Россией периода отнюдь не исключает инвариантности ответа на вопрос о ее перспективах. Было бы странно, если бы в расколотом обществе существовало единство взглядов на его будущее. В основе многообразных представлений о будущем лежит первоначальная оценка перспективы на уровне обыденного сознания: «все будет хорошо» либо, наоборот, «все будет плохо». За такой первоначальной оптимистически-пессимистической оценочной дихотомией следует практическое осмысление проблемы: «А что же действительно будет?», и здесь, конечно, тоже не приходится говорить о сужении спектра ожиданий. Отсутствие согласия по поводу образа будущего страны, на первый взгляд, становится для россиян серьезной психологической проблемой, так как ощущение движения «не туда» воспринимается как движение в «никуда».

Общая нестабильность, частичная утрата значимости традиционных ценностей, отсутствие господствующей идеологии, плюрализм идеологических установок и норм, увеличение социальной поляризации не могли не отразиться на динамике общественного и индивидуального сознания. Поэтому чрезвычайно интересно проанализировать изменения, которые произошли в последние годы в сознании людей, в том числе в их мнениях о моделях будущего, общественном идеале.

Ожидания

Объектом небольшого исследования, проведенного авторами статьи весной — летом 2002 г., стали молодые люди в возрасте 18—30 лет, обучающиеся в различных учебных заведениях Москвы. Выбор именно этой категории респондентов был обусловлен не только профессиональной принадлежностью авторов (преподавателей вузов), но и теми соображениями, что коренные изменения системы ценностей обычно происходят со сменой поколений. Если люди более старшего поколения формировались в совершенно иной социальной ситуации направленного идеологического воздействия, то анкетирование 18—30-летних респондентов должно было, по нашему замыслу, наиболее явно продемонстрировать модернизацию структуры ценностей россиян и их изменившиеся представления о будущем страны. Периоды кризисов и перемен, тем более столь глубоких и затяжных, как нынешние российские, наиболее болезненно и катастрофично воспринимают представители старшего поколения. Молодежь, при всех трудностях ее жизни, остается защищенной от «футурушока», обусловленного резким столкновением сознания личности с совершенно незнакомыми ему культурными ценностями и ориентирами, к которым оно не в состоянии адаптироваться, цепляясь за старые привычные представления о жизни.

Кроме того, если при анализе массового сознания учитывать возрастные особенности различных групп, то именно молодежь в большей степени ориентирована на будущее. (Как верно отметил С.В. Туманов, дети живут сегодняшним днем, старики — прошлым, а молодежь — преимущественно будущим)

(Туманов 1998, с. 145].) Эту ситуацию В.О. Ключевский с юмором описал так: под старость глаза перемещаются на затылок — начинаешь смотреть назад и ничего не видишь впереди, т. е. живешь воспоминаниями, а не надеждами. Нас же интересовали именно глаза, смотрящие в будущее. Ведь молодость — это этап жизни, когда человек не только осваивает различные социальные роли, но и формирует свои социальные ожидания, вырабатывает систему ценностных ориентаций, интересов, идеалов, становится активным полноправным членом общества.

При подготовке статьи мы опирались на данные представительных исследований [Динамика ценностей 1996; Культурные миры 2000; Обновление России 1998; Россияне о судьбах России], ставшие тем эмпирическим материалом, на основе которого мы выстраивали свои обобщения. Вместе с тем результаты этих исследований уже несколько отодвинулись в прошлое, а нам хотелось сопоставить свои теоретические ожидания и позицию реальных молодых людей сегодняшнего дня. Поэтому для получения информации о представлениях молодежи о будущем (своем и общества в целом) нами было проведено анкетирование, в котором участвовало 344 человека. Респонденты представляли собой три группы: студенты МГУ им. М.В. Ломоносова (средний возраст 19 лет), курсанты Академии МЧС (средний возраст 20 лет) и аспиранты ГУ — Высшей школы экономики (средний возраст 25 лет). Разумеется, объем и тип реализованной выборки не являются достаточными для всестороннего анализа формирования представлений о будущем у современной молодежи. Подобная глобальная задача и не ставилась; речь шла о локальной «разведке» для выявления проблем и формулирования гипотез. Мы использовали данные проведенного нами анкетирования в качестве иллюстративного материала, который помогает увидеть некие новые явления и тенденции в сознании молодежи и отчасти дополняет серьезные исследования наших коллег.

Каковы были наши предположения о динамике сознания молодежи в выборе ей социальных идеалов и ориентиров будущего? Во-первых, мы ожидали увидеть явный переход от установки на «фьючеризм» (характерной для «закрытых» обществ) к установке на настоящее. М. Кастельс дал своеобразное экономическое видение этого феномена, заметив, что «коллапс коммунизма переориентировал русских, и особенно новые профессиональные классы, с долгосрочного горизонта исторического времени на краткосрочные перспективы времени монетизированного, характеризующего капитализм, заканчивая, таким образом, многовековое статистское разделение между временем и деньгами» [Кастельс 2000, с. 402]. Несмотря на многочисленные попытки различных политических сил предложить свой идеологический вариант грядущего и объединить молодежь неким надличным образом будущего (возрождением русской нации, например, или построением коммунизма), социальный идеал не выступает в роли терминальной ценности. Мы предполагали, что даже с учетом устремленности сознания молодежи вперед будущее мыслится ей во вполне конкретных временных рамках, а отнюдь не как отдаленная цель общественно-го развития. Именно поэтому мы включили в анкету вопрос о том, какой отрезок времени имеет значение для респондента, какими периодом он ограничен.

Ожидаемое снижение интереса к социальному идеалу выводилось нами и из того факта, что поведение крупных социальных групп современного россий-

Представления современной вузовской молодежи о будущем

ского общества характеризуется генерационным распадом: ценности молодежи преимущественно ориентированы на микромир личности, а ценности старшего поколения, как и их поведение, значительно более «социоцентричны». Опираясь на ряд исследований, мы предполагали, что современные молодые люди аполитичны. Идиосинкразия к политике у поколения, счастливо миновавшего практику политинформаций, комсомольских собраний и обязательных рекомендаций-характеристик для поступления в вуз, казалась нам очевидной. Об этом говорили и социологические данные наших коллег. Например, согласно исследованию «Молодежь-97», проведенному ЦСИ МГУ, «совершенно не интересуются политикой» 20—23 % молодежи в возрасте 17 лет, 14,9—16,8 % — в возрасте 24 лет, 11,9—15 % — в возрасте 31 года. «Интересуются политическими проблемами, регулярно обсуждают их с друзьями» лишь 10,6 % 17-летних, 15 % 24-летних и 19,6 % тех, кому 31 год [Культурные миры 2000, с. 32, 124]. Об этом же свидетельствует и исследование 2001 г. «Положение молодежи Санкт-Петербурга», проведенное по заказу Комитета по молодежной политике социологами Центра стратегического анализа общественных процессов: около 40 % питерской молодежи не интересуются политикой. Будучи активными во всем, что касается их лично, молодые люди придерживаются принципа *laissez faire* (предоставьте делу идти своим порядком) в том, что затрагивает общество в целом. Результаты многочисленных выборных кампаний также свидетельствовали о том, что среди молодежи велика доля абсентеистов.

Об этом явлении принято говорить исключительно как о негативном, что имеет свои основания, но нельзя забывать и того, что абсентеизм может возникнуть лишь в относительно свободном обществе, когда исчезает внешнее принуждение к политической деятельности. Свободный человек имеет право не только говорить, но и молчать. Вместе с тем политическая пассивность молодого населения резко снижает возможность установления развитой партисипаторной демократии в России*. Правда, и в тех обществах, где «партисипаторные» теории реализовались достаточно полно, ограниченная природа демократии не изменилась: дистанция между элитой, избранной большинством, и самим большинством не уничтожается. Более того, как показал еще М. Вебер, попытки вовлечения значительных масс людей в политику приводят к созданию больших организаций и последующей их институализации. Подобные организации не только порождают огромную по численности бюрократию, но и приходят в противоречие с функционирующей демократией, так как, вступив в конкурентные отношения друг с другом, эти большие бюрократизированные институты в итоге достигают взаимного компромисса и устанавливают монополию на принятие важнейших решений. Подобная бюрократизация и корпоративизм имеют следствием ослабление воздействия «общественной политики». Таким образом, «партисипаторная» демократия не панацея, и страдает она теми же генетическими заболеваниями, что и классическая демократическая модель.

Мы считаем, что дистанцирование молодежи от политики косвенно связано и с особенностями отечественной истории. Российская жизнь традиционно

* Согласно данным РНИС и НП за 1997 г., 53,4 % населения считают, что «эффективных способов влияния в России на власть не существует» [Обновление России 1998, с. 63].

протекала, по выражению К.Д. Кавелина, как «движение сверху вниз», когда народные массы пассивно воспринимали спускаемые сверху требования, законы, установления. Государство и государственные институты безраздельно господствовали, подавляя общественную самостоятельность. Даже неизбежная саморегуляция хозяйственной, общественной и других форм деятельности носила ограниченный характер: «Приедет барин и рассудит». Когда же народные массы активизировались, возникал русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Гораздо позже, чем в промышленно-развитых западных странах Европы, в России начал формироваться «средний класс». Парадоксальным образом вплоть до революции 1917 г. носителями многих теоретических идей и положений, характерных для среднего слоя, являлись дворяне. После Октябрьской революции формирование среднего слоя остановилось на десятилетия. Объективно он не является доминирующей политической и социальной силой в стране и сегодня. Поэтому можно сказать, что в России налицо типичные предпосылки перехода к авторитаризму.

Установка массового сознания на принятие всех важных решений независимой от общества властной элитой, с одной стороны, способствует примитивно-легкому решению вопроса об ответственности за неудачи, а с другой — порождает иллюзию, что «правильный» президент, губернатор или мэр могут коренным образом изменить ситуацию к лучшему. Неслучайно 54 % 17-летних россиян считают, что сильный лидер выведет страну из кризиса и установит порядок [Культурные миры 2000, с. 140]. Модель патерналистского государства — государства опеки — чрезвычайно живуча в сознании россиян. Именно поэтому мы сочли возможным включить в анкету вопрос о том, кто, по мнению анкетированных, формирует будущее страны, предполагая, что наиболее типичным ответом будет указание на правительство. Результат, как мы покажем ниже, получился несколько иным.

В конечном счете культуры (в самом широком смысле слова) можно различать по господствующим системам ценностей «индивидуализм — коллективизм» в зависимости от того, ставится ли на первое место индивидуальный самоконтроль или обязательство общественной солидарности. При таком подходе не только прошлую, но и настоящую российскую культуру очевидно было бы отнести к коллективистскому типу, что имеет важное для нашего предмета следствие: современная Россия по-прежнему живет в условиях преимущественно *внешней детерминации поведения* индивида, и молодежь, к сожалению, не является из этого исключением. Традиция приказного, административного управления в России выступает как исторически привычное ограничение свободы человека; суверенность личности воспринимается как нечто второстепенное и не очень важное. Следствием подобной исторической привычки является отсутствие у многих членов российского общества навыков обоснования своего выбора, принятия осознанного решения, низкий уровень политической культуры.

Результатом изменившейся духовной атмосферы в обществе, по нашему мнению, является и рост религиозности среди молодежи. Не только Русская православная церковь, но и другие конфессии ведут целенаправленную работу среди молодых людей (Всецерковное православное молодежное движение, Исламский молодежный центр при Духовном управлении мусульман Поволжья и многие другие). Согласно различным данным, около трети молодых лю-

Представления современной вузовской молодежи о будущем

дей 17—30 лет называют себя верующими*. Естественным было бы ожидать, что такое возрождение религиозности в молодежной среде должно повлиять на ценностные ориентации и представления молодых о будущем. Однако субъективно оцениваемая религиозность и объективные ее признаки (посещение церкви, следование религиозным нормам, соблюдение определенных правил поведения и т. п.) не одно и то же. Поэтому мы отдавали себе отчет в том, что религиозные факторы повлияют на представления о будущем на меньшую, чем треть, долю респондентов.

Результаты

Как мы и ожидали, будущее страны волнует молодежь гораздо меньше, чем ее личные проблемы. У этого поколения резко повысилась роль личных жизненных ценностей (и понизилось значение социоцентричных) — семья, удачный брак, здоровые дети, материальный достаток, крепкие дружеские связи. Можно, конечно, спорить о том, «что такое хорошо и что такое плохо», что более нравственно — эгоцентризм или жертвенное служение людям, но, видимо, установка на личный успех более адекватна концепции рыночного общества. (Правда, формирование такого «рыночного» менталитета содержит в себе опасность связанного с ним индивидуализма и денежного фетишизма. На Западе рыночная экономика уходит корнями в протестантскую этику, основанную на религиозной аскезе. Вопрос состоит в том, насколько сильно «противоядие» от этой опасности в России.)

В совокупности 74,7 % опрошенных отдали приоритет своему индивидуальному будущему и будущему своей семьи против 12,4 % респондентов, определивших будущее России в качестве наиболее значимого для себя (табл.1). Причем среди курсантов — тоже вполне ожидаемо — приверженцев холистского варианта патриотизма оказалось в два раза больше, чем среди студентов и аспирантов. О приоритете российских перспектив заявил каждый пятый будущий офицер-спасатель и лишь каждый одиннадцатый представитель «гражданской» вузовской молодежи. В свою очередь, показатели студентов более чем в два раза превысили курсантские показатели среди отдавших предпочтение дню сегодняшнему (13 % против 6 %).

Результаты опроса подтверждают выводы многих исследований о том, что в наше время важнейшей ценностью для россиян является семья. Примечательно, что судьба семьи волнует респондентов в два раза больше, чем собственная, причем ценность семейных связей увеличивается не только с возрастом респондентов, но и с ростом устойчивости их социального положения. Поэтому вызывает интерес несколько большая эгоцентричность студентов как категории, испытывающей на себе наибольшие финансовые, жилищные и иные трудности по сравнению с двумя другими группами респондентов. Чем острее перед человеком стоят проблемы выживания, точнее, чем острее он ощущает их наличие, тем короче радиус социальной окружности, которую чертит наше

* Согласно данным аналитического доклада РНИС и НИ 2000 г. «Россияне о судьбах России в XX веке», категоричный тезис о том, что «нельзя жить без веры в Бога» подержали 18,7 % лиц до 30 лет (www.risnp.ru/PUBLIC/russial00.htm).

Таблица 1. *Распределение ответов респондентов на вопрос: Чье будущее волнует вас в большей степени? (в %)*

Точка зрения	Студенты	Аспиранты	Курсанты	В среднем
Мое собственное	30,1	26,1	30,9	25,7
Моей семьи	44,1	54,1	48,8	49,0
Моей страны	9,7	8,7	18,7	12,4
Земли, человечества	3,2	8,7	5,8	5,9
Я не думаю о будущем, живу сегодняшним днем	12,9	2,4	5,8	7,0

сознание вокруг центра под названием «я». Истинность данного заключения, как и общего примата индивидуально-семейных ценностей, наглядно демонстрируют ответы респондентов на вопрос о временных рамках будущего, о значимом для них отрезке истории (табл. 2). 58,1 % студентов ограничили данный период пределами собственной жизни. Число тех, для кого будущее ассоциируется прежде всего с будущим их детей, у данной категории ниже в 3,5 раза.

Надо сказать, что наши ожидания не совсем оправдались. Период времени, о котором думают молодые люди, оказался длиннее предполагаемого: привычная сентенция о современной молодежи, живущей только сегодняшним днем, — миф. Лишь 9 % опрошенных «ограничили» будущее ближайшими 10 годами, причем у студентов данный показатель вообще равен нулю!

Для анализа особенностей различных категорий опрошенных показательно равенство, проявленное курсантами и аспирантами в ограничении значимого будущего сроками своей жизни и жизни своих детей. В рамках своих групп 55—56 % сторонников данного варианта ответа образовали твердое большинство, однако оставшиеся голоса распределились диаметрально противоположно. Лишь 4 % будущих офицеров остановили свой выбор на ближайшем десятилетии как наиболее актуальном, в то время как у аспирантов этот показатель составил почти 22 %. И наоборот: против 19 % курсантов, ответивших, что значимый для них период будущего не имеет временных рамок, имеются те же 4 %, но уже аспирантских. В целом только позиция «государевых людей» обеспечила средне-статистическое равенство между теми, для кого будущее безгранично, и задумывающимися только о ближайшем десятилетии.

Очевидно, что для характеристики мотивации поведения вузовской молодежи немаловажно отношение к будущему страны, в которой они живут. Согласно данным опроса, проведенного Центром исследования динамики ценностей в 2001 г. (под руководством Н.И. Лапина), оптимизм россиян в отношении перспектив развития России обратно пропорционален их возрасту: если среди лиц до 21 года 81 % убеждены, что «путь, по которому идет Россия, даст положительные результаты», то среди 27—30-летних таких уже 65 % (для сравнения: среди 41—50-летних так ответили 56 %, среди тех, кто старше 60, — лишь 48 %). Мы ожидали (и не ошиблись в этом), что доля «оптимистов» среди вузовской молодежи будет ниже, чем среди молодежи вообще. Подобные мысли были связаны с особенностями данной субкультуры: во-первых, чем выше уровень образования, тем выше и уровень запросов и ожиданий, тем заметнее «ножни-

Представления современной вузовской молодежи о будущем

Таблица 2. *Распределение ответов респондентов на вопрос о временных рамках значимого для них отрезка будущего (в %)*

Точка зрения	Студенты	Аспиранты	Курсанты	В среднем
Ближайшие 10 лет	0,0	21,7	4,3	9,0
Ближайшие 20 лет	3,2	0,0	10,8	4,7
Пределы моей жизни	58,1	30,4	20,1	35,4
Пределы жизни моих детей	17,7	26,1	34,5	26,4
Ограничено определенными историческими событиями	0,0	0,0	1,4	0,5
Не ограничено	2	4	19	9
Не задумывался над этим	19	17	9	15

цы» между реальным положением дел в обществе и желаемым. Пессимизм в оценках — самое очевидное следствие социальной депривации. Во-вторых, специфика жизненной стратегии этой категории молодых людей в большей степени предполагает концентрацию усилий общества и государства на развитии науки и образования. Учитывая нынешнюю ориентацию российской экономики и экономическую политику, можно констатировать, что этот социальный заказ явно не удовлетворяется, а это также должно было усиливать пессимистические настроения респондентов. Косвенным подтверждением этих соображений служила и статистика среди выехавших за рубеж в последние годы: лица с высшим образованием составляли большинство, что свидетельствовало об их низкой оценке возможности успешного развития страны в ближайшее время.

В нашем анкетировании при определении наиболее перспективной для России сферы почти треть опрошенных предположили, что ничего хорошего страну в ближайшем будущем не ждет (табл. 3). Можно, конечно, возразить, что выбор той или иной области в качестве перспективной сам по себе говорит о не столь большом числе пессимистов, но если и так, то не в студенческой среде. Сомнения по поводу благоприятного для России развития событий высказали 60 % (!) данной категории опрошенных. Гораздо более оптимистичные настроения у курсантов. Среди них лишь 11 % не видят для страны достойного будущего.

Истоки студенческого пессимизма отчасти проясняются при анализе их ответов на вопрос, касающийся определения наименее благоприятной для России сферы развития (табл. 4). Число «уверенных», продублировавших пессимистический ответ, в котором подтверждалось отсутствие у страны каких бы то ни было перспектив, сократилось до 35 %. Видимо, необходимость выбора слабого звена заставила респондентов более взвешенно обосновывать свое настроение. Для студентов таким слабым звеном стала экономика: 47 % из их числа заявили, что эта область является наименее перспективной для страны. Полную солидарность со студентами в оценке будущего экономики проявили курсанты (45 %), хотя среди них это привело к общему пессимизму. Проблемы в экономике они надеются компенсировать успехами в военно-политической области (34 %). Любопытно, что именно военно-политическую область назвали в каче-

Таблица 3. *Распределение ответов респондентов на вопрос: В какой сфере Россия в ближайшем будущем могла бы добиться наибольших успехов? (в %)*

Точка зрения	Студенты	Аспиранты	Курсанты	В среднем
В экономике	0,0	13,0	6,5	6,7
В сфере науки и искусства	9,7	30,4	24,5	21,9
В духовной	11,3	8,7	9,4	9,7
В военно-политической	16,1	4,3	33,8	18,2
Вряд ли Россия сможет добиться в ближайшем будущем каких-либо успехов	59,7	26,1	10,8	31,2
Затрудняюсь ответить	3,2	17,4	15,1	12,2

Таблица 4. *Распределение ответов респондентов на вопрос: В какой сфере успехи России ближайшем будущем наименее вероятны? (в %)*

Точка зрения	Студенты	Аспиранты	Курсанты	В среднем
В экономике	46,8	21,7	45,3	37,7
В сфере науки и искусства	0,0	4,3	5,8	3,5
В духовной	4,8	26,1	14,4	15,5
В военно-политической	9,7	30,4	11,5	17,5
Вряд ли Россия сможет добиться в ближайшем будущем каких-либо успехов	35,5	4,3	9,4	15,7
Затрудняюсь ответить	3,2	13,0	13,7	10,2

стве наименее перспективной аспиранты. Сравнительно низкий уровень пессимизма при оценке перспектив страны у данной категории обусловлен их надеждами на грядущие успехи России в научной сфере: 30 % будущих ученых назвали эту сферу наиболее перспективной (у студентов этот показатель не достиг и 10 %).

Низкая оценка экономического будущего страны, данная 37,7 % респондентов, на первый взгляд, не согласуется ни с приведенными выше оптимистическими результатами, полученными Центром исследования динамики ценностей, ни с данными опроса, проводившегося в конце сентября 2001 г. социологами РОМИР-Gallup International и независимого центра «Российское общественное мнение»*. Данный опрос показал, что соотношение между пессимистами и оптимистами в оценке перспектив российской экономики выглядит следующим образом: с тем, что Россия никогда не будет экономически развитой страной, согласны только 17,6 % россиян, а 60 % не считают ее перспективы такими мрачными. На наш взгляд, еще одним возможным объяснением разницы результатов (кроме приведенных выше) является различное содержание, которое респонденты вкладывают в понятие перспективы, в ее временные рамки. Для 75 % опрошенных студентов вузов она ограничена ближайшими 10—70

* См.: http://www.romir.ru/socpolit/socio/04_2001/russia-life-march.htm.

Представления современной вузовской молодежи о будущем

годами, более далекое будущее для них абсолютно безразлично. Показательно, что, по данным того же опроса РОМИР, 67,2 % разделяют мнение о том, что в настоящее время Россия является государством со слабо развитой экономикой. Тем не менее вера в будущие экономические успехи страны велика. В итоге выстраивается любопытная зависимость оптимистических настроений от времени, на которое проецируются ожидания респондента. Народная мудрость, выраженная в пословице «хорошо там, где нас нет», предполагает учет не одних только пространственных характеристик.

Анкетирование показало наличие явной зависимости между взглядами респондента на будущее, его пессимистической (оптимистической) оценкой и собственными перспективами. Несмотря на несущественную разницу в возрасте, аспиранты и курсанты оказались более оптимистичными, чем студенты, что, на наш взгляд, во многом обусловлено гораздо более предсказуемым будущим первых двух групп. И курсанты и аспиранты, определив свою социальную нишу, подкрепляют сделанный выбор уверенностью в особых перспективах страны в избранной области. Студентам же собственное будущее представляется достаточно неопределенным: диплом вуза (даже МГУ), в отличие от ученой степени и — в еще большей степени — от курсантского «государственного распределения», не является гарантией занятости. Возможно, отсюда и пессимизм.

Студенческий пессимизм нашел свое проявление и в ответах на вопрос: От кого (чего) зависит будущее России? (табл. 5). Почти две трети студентов заняли пассивно-выжидательную позицию, заявив, что все зависит от случайного стечения обстоятельств. В аспирантской среде такой выбор сделал лишь каждый восьмой, у курсантов — каждый семнадцатый.

Любопытно, что упование на правительство, власть как на главную силу, формирующую будущее страны, не доминировало у представителей вузовской молодежи, что свидетельствует о явной тенденции отхода от традиционной патерналистской модели поведения. 75 % респондентов согласились с утверждением, что каждый сам должен заботиться об уровне своей жизни и уровне жизни своей семьи, не надеясь на государство, и лишь немногим более 5 % выразили принципиально противоположное мнение (табл. 6).

Знаменательно, что по данным опроса, проведенного РОМИР в сентябре 1999 г., 21,4 % россиян в своих жизненных неудачах были склонны обвинять государство. При всей относительности результатов различие в уровне патерналистских настроений молодежи и населения России в целом очевидно, хотя и 21,4 % — невысокий показатель, ставящий под сомнение утверждения об исключительно патерналистском характере сознания и ценностей россиян, несовместимых с рыночным типом хозяйствования.

Ответы респондентов на вопрос о степени собственного влияния на свою жизнь свидетельствуют о наличии представлений об «открытости» будущего в сознании молодых россиян (табл. 7). Идеал молодых — человек, создающий себя, способный нести ответственность и за своих близких, и за свои успехи и неудачи. 91 % опрошенных определили степень влияния на собственную судьбу как достаточную и сильную, причем данный вопрос стал, пожалуй, единственным в анкете, в ответах на который респонденты проявили такое единодушие. Характерно, что и здесь студенческая аудитория высказалась более осторожно, что отчасти коррелируется с господствующим в студенческой среде мнением о

Таблица 5. *Распределение ответов респондентов на вопрос: От кого (чего) зависит будущее России? (в %)*

Точка зрения	Студенты	Аспиранты	Курсанты	В среднем
От меня	0,0	8,7	10,8	6,7
От совместных усилий россиян	12,9	56,5	46,8	39,7
От правительства	16,15	8,7	29,5	18,2
От Бога	4,8	4,35	4,35	4,5
От случайного стечения обстоятельств	61,3	13,0	5,8	25,4
Затрудняюсь ответить	4,8	8,7	2,9	5,5

Таблица 6. *Распределение ответов респондентов на вопрос: Согласны ли вы с тем, что каждый должен заботиться об уровне жизни себя и своей семьи, не надеясь на государство? (в %)*

Точка зрения	Студенты	Аспиранты	Курсанты	В среднем
Согласен	40,3	43,5	58,3	47,6
Скорее согласен	30,6	39,1	13,7	27,7
И да, и нет	12,9	13,0	20,1	15,5
Скорее не согласен	0,0	0,0	2,9	1,0
Не согласен	6,5	4,3	3,6	4,7
Затрудняюсь ответить	9,7	0,0	1,4	3,5

Таблица 7. *Распределение ответов респондентов на вопрос: В какой степени мы влияем на собственную жизнь? (в %)*

Точка зрения	Студенты	Аспиранты	Курсанты	В среднем
Совсем не влияем	0,0	0,0	4,3	1,5
Мало влияем	3,2	8,7	12,9	8,5
В основном влияем	66,1	26,1	33,1	40,9
Сильно влияем	27,4	65,2	46,8	47,1
Затрудняюсь ответить	3,2	0,0	2,9	2,0

преимущественном влиянии случайных факторов на развитие страны. Если, по мнению опрошенных студентов, эти факторы столь значимы для развития социальных организмов, естественно предположить, что они влияют и на жизнь отдельного индивида. Интересно, что в рамках собственной жизни (в отличие от судеб страны) студенты считают возможным эффективное противостояние «случайному стечению обстоятельств». Для молодого человека признание собственного бессилия, независимости будущего от своих сегодняшних усилий и поступков (неважно, прядут ли нить судьбы древнегреческие мойры или жиз-

Представления современной вузовской молодежи о будущем

ненный жребий определяется лютеранским провиденциализмом) — черта нетипичная, противоречащая критической установке юности на изменение окружающего, вере в собственную значимость. На этом фоне уверенность более чем 4 % опрошенных курсантов в том, что они совсем не влияют на свою жизнь, выглядит достаточно тревожным знаком, симптомом подавляющей личностности системы образования.

Естественно, нас интересовала и политическая самоидентификация молодых людей, поэтому мы попытались выяснить, какая социально-политическая модель будущего им импонирует больше всего. Прогнозируя результаты, мы не были свободны от стереотипов, считая, что модель общества, выбранная студентами МГУ и аспирантами ГУ—ВШЭ, будет более либеральной и прозападной, чем модель курсантов Академии МЧС. Но еще важнее для нас была косвенная оценка, которую молодые люди давали современному российскому обществу, выбирая идеал, который способен это общество объединить. Обращает на себя внимание тот факт, что в старшей возрастной группе, уже получившей высшее образование, бросалось в глаза расхождение между той моделью, которую они считали приемлемой для себя лично, и моделью, которую они оценивали как наиболее эффективную для сплочения российского общества. Такое дистанцирование от «народа» было почти незаметно у тех, кто не перешагнул 20-летний рубеж и не получил заветных «корочек» о высшем образовании.

Еще В.О. Ключевский для описания процессов, происходивших в русском обществе, использовал сравнение со стеклом: «Как трескается стекло, неравномерно нагреваемое в разных своих частях, так и русское общество, неодинаково проникаясь ...образованием во всех своих слоях, расколосось» [Ключевский 1997, с. 358]. С тех пор утверждение о наличии разлома в российском обществе, связанного с уровнем образования, стало общим местом, но, видимо, до сих пор не потеряло своего значения. Ситуация отчасти парадоксальная, если учесть массовость высшего образования в стране (по данным ЦСИ МГУ, среди 31-летних 34,1 % составляют люди с высшим и незаконченным высшим образованием [Культурные миры 2000, с. 40]) и снижение его престижа (можно говорить и о понижении рейтинга ценности «быть образованным, духовно богатым человеком» в целом [там же, с. 43]).

Ответы на вопрос о наиболее привлекательной социальной модели не отличались единством даже по сравнению с предыдущими (табл. 8). Переход от единого и целостного мировоззренческого идеала, целенаправленно внедрявшегося в сознание людей, к плюрализму идеологических ценностей стал определяющим фактором данной вариативности. Итоговое преимущество «либерального общества западного типа», более всего привлекшего опрошенных, было обеспечено дружной позицией респондентов из числа аспирантов, отдавших за него 74 % голосов. Пытаясь создать полную альтернативу «западническому» варианту ответа на данный вопрос, собравшему в среднем около 43 %, мы предложили для «славянофильски» настроенных респондентов выбор между коммунистическим, православным и национальным самобытным идеалом. В число антизападников таким образом попали 37 % опрошенных. Косвенно подобная ситуация свидетельствует о сохранении привычной антиномичности общественной мысли в России, оживлении противостояния (нео-)западничества и (нео-)славянофильства. Вечная дилемма русской мысли присутствует и в сознании

Таблица 8. *Распределение ответов респондентов на вопрос: Какой социальный идеал наиболее близок лично вам? (в %)*

Точка зрения	Студенты	Аспиранты	Курсанты	В среднем
Коммунистическое общество	17,7	0,0	4,3	7,0
Православное общество	14,5	4,3	15,8	11,5
Либеральное общество западного типа	32,3	73,9	20,9	42,6
Национальный самобытный идеал	11,3	8,7	37,4	19,5
Другой (предложите свой вариант)	3,2	8,7	2,9	5,0
Никакой	21,0	4,3	18,7	14,5

молодого поколения, причем модели, имеющие западнические и славянофильские корни и истоки, влияют на мнения респондентов почти одинаково.

Хотя будущему «православному обществу» отдали предпочтение лишь 11 % респондентов, но и эта цифра (при сопоставлении с 7 % сторонников коммунистического идеала) позволяет подтвердить наши ожидания и предположить наличие определенной тенденции роста значимости для молодежи религиозных ценностей, идущих на смену идеалам советского общества. Важно, что во многих анкетах ответ на этот вопрос четко коррелировался с ответом на вопросы табл. 5: все респонденты, убежденные, что будущее страны зависит от воли Бога, назвали своим идеалом православное общество (реализация мечтаний о «христианской политике», столь типичных для истории русской мысли), а это свидетельствует о цельности и последовательности их религиозных убеждений.

Выбор национального самобытного идеала в качестве наиболее привлекательного был внутренне противоречивым: такое обозначение не содержало в себе никаких существенных характеристик (экономических, политических и др.), кроме одной — непохожести на другие общества. В качестве своеобразного зеркала, в которое глядится Россия, выступает прежде всего Запад (как некий обобщенный образ). Выбор такого варианта ответа говорит не столько о позитивной содержательной программе, сколько о «синдроме уникальности» и критическом отношении к западному типу общества, об установке на антизападничество, достаточно характерной для современных россиян.

В отношении же групповых приоритетов обращают на себя внимание вполне понятные антизападнические 37 % голосов, отданных курсантами за национальный самобытный идеал, и не так легко объяснимые студенческие 18 %, отданные идеалу коммунистическому. Возможно, относительно высокая приверженность коммунистическому идеалу среди студентов (как и пассивность, и пессимизм данной группы, проявившиеся при ответах на другие вопросы анкеты) связана с той же неуверенностью студентов гражданских вузов в завтрашнем дне.

В целом почти каждый седьмой респондент заявил об отсутствии у себя какого-либо социального идеала. На наш взгляд, эту цифру вряд ли можно однозначно толковать как политический резерв для каких бы то ни было партий и движений. Чем более развита и сложна система, тем больше степеней свободы она имеет. Одну из них и являют собой наши 14 % «неопределившихся» респондентов. С учетом того обстоятельства, что наибольшее значение для оп-

Представления современной вузовской молодежи о будущем

решенных имеют ценности частной жизни, очевидно, что оценка того или иного проекта общества будет определяться возможностью реализации в этом обществе индивидуальных интересов. Что касается типа государственного устройства, то он не имеет такого принципиального значения, какое имел в советский период. Заметим, что речь пока идет не о полной деполитизации сознания, а о тенденции, которая, по всей видимости, будет проявляться все более отчетливо.

Когда же будущей российской интеллигенции было сделано традиционное в отечественной истории предложение «подумать за народ» и выбрать идеал, наиболее близкий и предпочтительный для граждан России, лично притягательный для респондентов идеал и идеал, обладающий для них наибольшим объединительным потенциалом, мнения значительно разошлись (табл. 9). Максимальное падение (22 %) пришлось на долю либерального идеала, максимальный взлет (9 %) имел идеал национальный самобытный, который, набрав почти 28 %, занял место самого популярного.

Нельзя не отметить, что более 20 % из числа опрошенных заявили о том, что идеала, способного объединить российское общество, не существует, причем среди студентов это число было еще больше — 33,9 %. В этом — еще один штрих к пониманию пессимистических оценок будущего страны у данной категории анкетированных.

Одновременно при ответе на вопрос: «Чем лично вы были бы готовы пожертвовать для осуществления импонирующего вам социального идеала?» именно студенты проявили максимальную готовность жертвовать личным ради общезначимого (табл. 10). Лишь 6 % из их числа ответили, что социальный идеал не стоит каких-либо индивидуальных ограничений. У более «оптимистичных» аспирантов и курсантов аналогичный показатель составил соответственно 17 % и 28 %. Эти цифры явно превышают число респондентов, заявивших об отсутствии у себя социального идеала (напомним, что у аспирантов таковых лишь 4 %, у курсантов — 19 %), в то время как у студентов, наоборот, число «безыдейных» значительно превосходит число «эгоистов», не готовых жертвовать собой для блага общества. Напрашивается вывод о некотором противоречии между пессимизмом в оценке будущего и социальной пассивностью. Неясная перспектива вызывает желание изменить ситуацию, поставить на карту все. При этом желание изменения становится самодовлеющим. Его не снижает отсутствие каких бы то ни было социальных ориентиров. «Надо что-то делать. Что делать? Не знаю, но надо...» Напротив, у «социально определившихся» респондентов уровень активности значительно ниже. Их восприятие действительности в точности воспроизводит пригожинское — «от существующего к возникающему». Они занимают относительно стабильное положение в настоящем, связь которого с будущим, по их мнению, настолько очевидна, логична и закономерна, что сам характер жертвы ассоциируется с неоправданной и даже бессмысленной расточительностью. У аспирантов отрицание «жертвенности» связано и с установкой на либеральный тип общества, для которого характерно доминирование личных ценностей над общественными. Так или иначе, самопожертвование как ценность традиционного общества для молодежи уже не типична.

Как показало исследование, студенты вузов для достижения своего социального идеала наиболее охотно жертвуют свободным временем, развлечениями, карьерным ростом. В разряд самых значимых, терминальных, попали цен-

Таблица 9. *Распределение мнений респондентов на вопрос: Какой социальный идеал способен наиболее эффективно объединить современное российское общество? (в %)*

Точка зрения	Студенты	Аспиранты	Курсанты	В среднем
Коммунистическое общество	21,0	0,0	4,3	8,0
Православное общество	17,7	4,3	16,5	12,7
Либеральное общество западного типа	12,9	43,5	15,8	24,4
Национальный самобытный идеал	11,3	26,1	43,9	27,7
Другой (предложите свой вариант)	3,2	8,7	6,5	6,2
Никакой	33,9	17,4	12,9	20,9

Таблица 10. *Распределение ответов респондентов на вопрос: Чем лично вы были бы готовы пожертвовать для осуществления импонирующего вам социального идеала? (в %)*

Точка зрения	Студенты	Аспиранты	Курсанты	В среднем
Материальной обеспеченностью	7,2	8,5	8,3	8,0
Свободным временем	20,6	37,1	32,5	28,6
Карьерным ростом	8,1	13,0	7,9	9,7
Дружескими связями	0,0	0,0	0,7	0,2
Интересной работой	9,7	0,0	2,2	3,7
Свободой, независимостью	3,2	4,3	3,6	3,7
Развлечениями	39,9%	19,7	15,3	26,4
Счастливой семейной жизнью	4,8	0,0	1,4	2,0
Ничем	6,5	17,4	28,1	17,7

ности, связанные с комфортностью внутреннего мира человека и его микромира — дружеские связи и счастливая семейная жизнь. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что материальные ценности при всех трудностях нашего времени занимают в сознании учащейся молодежи промежуточное положение.

Принципиальных расхождений между ценностными предпочтениями различных групп анкетированных нет. Лишь студенты в два раза чаще, чем в среднем по выборке, выражали готовность пожертвовать интересной работой, что является очередным подтверждением их неуверенности в совпадении выбранной специальности с будущей записью в трудовой книжке.

Некоторые соображения

Проведенное исследование позволяет сделать ряд довольно любопытных предположений относительно социальных, политических и даже мировоззренчес-

Представления современной вузовской молодежи о будущем

ких последствий текущей ситуации социокультурной трансформации для будущего России и ее граждан. Современная молодежь, выступавшая объектом нашего анализа, — это именно та социальная группа, которая в ближайшие десятилетия будет формировать облик страны, поэтому ее нынешние ценности, нормы и идеалы оказывают определяющее воздействие на то, какой станет Россия в недалеком будущем. Что же характерно для представлений молодых людей об их будущем? Каким образом эти представления связаны со специфической текущей моментом в развитии российского общества?

В условиях постсоветской России наиболее очевидным изменением стал переход от единого и целостного мировоззренческого идеала, целенаправленно внедрявшегося в сознание людей, к плюрализму идеологических ценностей. Такое постмодернистское «недоверие в отношении метарассказов» (Ж.-Ф. Лиотар) характерно для большинства современных развитых обществ. Эпохе постмодернизма свойственна нуклеаризация общественного политического сознания. В результате дробления и «индивидуализации» социальной действительности размываются и делаются все более неопределенными закономерности ее развития и динамики, которые становятся менее детерминированными и прогнозируемыми, приобретают более стохастический и спонтанный характер.

Либеральное общество (а членом именно этого «клуба» пытается стать Россия) в принципе не ориентируется на достижение какого-либо социального идеала. Либерализм стремится создать *оптимальное* общество, условием успешного развития которого является плюрализм в оценке будущего. Сущность либерализма и заключается в этике свободы — свободы выбора своего пути. Социальная действительность, согласно Х. Ортеге-и-Гассету, в таких обществах сравнима с местностью, которую люди видят с различных точек, а потому описывают и оценивают развертывающийся перед ними пейзаж по-разному, причем «центральной», абсолютной, перспективы не существует. Социальное время становится релятивным. Новые технологии в значительной степени являются проводниками свободы, поскольку сдержать их распространение и оставить их в руках только властной элиты уже невозможно. Средства массовой информации, формирующие сознание человека, нельзя жестко контролировать (Интернет делает подобные попытки абсолютно бессмысленными); демократическая модель политической организации общества предполагает наличие партий и организаций различной ориентации; вхождение в рынок стимулирует усиление индивидуализма — эти и другие процессы закономерно должны были привести к размыванию единого социального идеала, господствовавшего в обществе. Поэтому, несмотря на мрачные прогнозы многих политиков, что без выработки объединяющего идеала Россия погибнет*, необходимо признать, что отсутствие в современном обществе господствующей модели будущего — закономерное явление, хотя у него есть и негативные последствия. Ситуация, когда в обществе нет доминирующей идеологии или идеологии-гегемона, ожидаема. Но в России государственная политика традиционно определялась одной субкультурой и идеологией, а не межидеологическим компромиссом, и такая «наследственность» создает определенные трудности для построения плюралистического общества.

* Характерной в этом смысле является статья В. Дикевича, А. Фетисова, А. Тупицына «В поисках содержания» (www.archipelag.ra/text/007.htm).

Впрочем, основная проблема, конечно, не в российской традиции. Дело в том, что у значительной части наших современников представления о каком бы то ни было социальном идеале вообще отсутствуют, их модель будущего ограничена рамками приватной жизни. Но, как показывает исторический опыт, именно эти люди легче всего становятся объектом для политических манипуляций. Для них характерна низкая политическая активность, что затрудняет установление демократических общественных норм. Активными участниками общественной жизни могут быть только такие социальные группы, сообщества или отдельные личности, которые берут на себя ответственность за решения и политические риски и готовы активно участвовать в определении перспектив развития — как своего собственного, так и более широкого социального окружения. Таким образом, одним из условий появления таких активных субъектов становится возникновение динамичных, общественно значимых моделей развития, которые могут вырабатываться, например, путем публичных дискуссий и обсуждений. Причем характерной чертой таких моделей должна стать их гибкость и изменчивость, отсутствие претензий на окончательность и совершенство — «открытость» в попперовском смысле этого слова. Но и такие идеалы в современном полифоничном обществе вряд ли станут «объединяющими всю нацию». Полное согласие в принятии любых решений — утопия. (Критик подобных утопий американский теоретик либерализма Р. Нозик предложил своим читателям ответить на вопрос, могут ли тридцать с лишним людей из составленного им списка (Людвиг Витгенштейн, Элизабет Тейлор и т. д.) иметь одинаковые мнения и вкусы.) Постмодернизм с его тенденциями к дроблению и нарастающей индивидуализацией социально-политического пространства оставляет все меньше шансов для каких-либо групповых форм духовной консолидации.

Поэтому можно говорить не только о разрыве единого духовного пространства и утрате национального консенсуса по поводу социального идеала, но и том, что в российском обществе многочисленные образы будущего не носят, как правило, «финалистского», окончательного характера и являются принципиально открытыми для изменений и дополнений схемами развития. Это особенно свойственно молодому поколению, чье мировоззрение формировалось в условиях отсутствия идеологической монополии.

Такая открытость и гибкость моделей будущего имеет неоднозначные последствия. От того, насколько гибки и динамичны модели и образы будущего, зависит степень варибельности актуального поведения, а как следствие — степень способности к социальной адаптации. Одновременно жесткие, четко определенные рамки представлений о будущем обеспечивают их трансляцию и усвоение, способствуют сплочению социальной общности и облегчают процесс идентификацию с ней индивида.

Выше отмечалось, что представления о том, что молодежь живет исключительно сегодняшним днем, оказались необоснованными и не соответствующими действительности. Это не более чем стереотип, имеющий, однако, под собой почву. Подобные воззрения, очевидно, возникают вследствие некорректной интерпретации массовым сознанием того видения мира, которое присуще молодым россиянам. На наш взгляд, общей чертой, объединяющей весьма разнородные понятия о будущем среди молодых людей, является инкримен-

Представления современной вузовской молодежи о будущем

талистский*, пошаговый характер формирования модели будущего, который позволяет в любой момент скорректировать ее. Современная ситуация в мире такова, что изменения во внешней среде происходят чрезвычайно быстро, заставляя человека постоянно под них подстраиваться. В этих условиях успешная адаптация может достигаться, в частности, вследствие отказа от принятия жесткой, устойчивой модели будущего в пользу более гибкой, легко изменяемой конструкции. Мы сталкиваемся не с отсутствием образа будущего, но со специфическими принципами его построения.

Серьезным изменениям подвергается сегодня само понятие истории, к которому представление о будущем имеет самое непосредственное отношение. В любой концепции исторического процесса присутствует некая идея о его будущем завершении. Но, как писал К. Ясперс, «в наши дни преодолевается то отношение к истории, которое видело в ней обозримое целое» [Ясперс 1994, с. 272], т. е. для современного человека история уже не является процессом, имеющим достаточно строго определенное начало и предсказуемое развитие. Специфика современной ситуации в мире такова, что историческое развитие значительно ускоряется по сравнению с предыдущими эпохами. Вследствие столь быстрых и зачастую революционных изменений в экономике, политике, науке и технологиях социальный прогноз становится крайне затруднительным. Представление о будущем с исторической точки зрения оказывается, таким образом, не менее размытым, нежели представления индивида о собственном будущем.

Само понимание исторического события делается расплывчатым и неопределенным, поскольку событий, способных радикально изменить ход развития общества, чрезвычайно много, но их истинное значение можно оценить только по прошествии некоторого периода времени. Последствия того или иного изобретения или открытия, инноваций в политико-экономической области могут сказаться самым неожиданным образом и в самый неожиданный момент на совершенно других сферах жизни общества. Люди объективно привыкают к жизни в состоянии неопределенности и перманентных изменений. Нестабильность ситуации в России, отсутствие у молодых людей уверенности в завтрашнем дне, хотя и усугубляют ситуацию, но не изменяют в целом вектора происходящих во всем мире изменений. Инкрименталистская модель будущего обусловлена спецификой современного состояния российского общества и человеческой цивилизации в целом.

Использование идеологических механизмов управления в обществе, где преобладающим типом построения модели будущего является инкрименталистский подход, сталкивается со значительными трудностями. Возникает противоречие между установками индивидов и требованиями, налагаемыми социальной средой, что приводит, с одной стороны, к внутреннему конфликту на уровне отдельной личности, а с другой — к возможным негативным последствиям в сфере общественного устройства, что выражается в неэффективной работе механизмов государственного управления. Возникает вопрос, следует ли

* Инкриментализмом (логическим инкриментализмом) называемый «метод малых шагов», применяемый в теории и практике управления и планирования, характерной особенностью которого является пошаговая разработка основных направлений планирования, дающая возможность в любой момент вернуться к предыдущему шагу и скорректировать его без ущерба для всего процесса.

в таком случае предположить, что в подобном обществе идеология (всегда включавшая в себя достаточно однозначную модель грядущего) отмирает или же мы имеем дело с особым, ранее не встречавшимся типом идеологической системы, для которой наличие четко определенного образа будущего не является основополагающим фактором?

Уверенность в том, что мы живем в так называемом постидеологическом обществе, бывшее модным лет 20 назад после появления работ Д. Белла и вновь ожившее сейчас, по-видимому, оказывается еще одним мифом. В современной России он возникает и вследствие того, что разрыв между тотальной идеологизацией советского общества и ситуацией в стране столь велик, что усилия определенных групп по формированию идеологии в текущий момент просто не могут быть восприняты в качестве эффективных. В классическом понимании, закрепившимся в массовом сознании, идеология — это система заведомо ложных оценок социальной действительности, навязываемая членам общества правящими кругами в собственных интересах, тщательно скрываемых и маскируемых. Эта система базируется на небольшом количестве простых и легко усваиваемых исходных посылок, в число которых входит оценка текущего состояния общества, представление о его идеальном состоянии и некоторый набор норм поведения, которые необходимо соблюдать, дабы прийти от текущего момента к идеальному будущему.

Индивиды, вовлеченные в идеологическую иллюзию, не осознают, что она отнюдь не совпадает с реальным положением дел, но воспринимают ее как единственно истинное отражение действительности. Однако в современном обществе — как в западном, так и в российском — подобное «наивное» сознание сменилось, по меткому выражению П. Слотердайка, «циническим разумом» [Слотердаик 2001], для которого характерно полное осознание несостоятельности идеологических утверждений, ироничное, отстраненное отношение к любого рода попыткам выдать их за непреложную истину. В контексте нашего исследования это может быть подтверждено тем, что идеальная модель, признаваемая в качестве подходящей для объединения общества — и, безусловно, понимаемая респондентами как идеологическая иллюзия — либо не совпадает с их собственными убеждениями, либо имеет для них столь низкую ценность, что ради воплощения ее в жизнь они вряд ли откажутся от чего-то значимого. Таким образом, респонденты демонстрируют, с одной стороны, отношение к любым социальным идеалам как к абстрактным построениям, имеющим лишь косвенную связь с реальностью (как инструменты социального воздействия), а с другой стороны, свою собственную дистанцированность от этих идеалов. Означает ли это, что налицо переход к постидеологическому обществу?

Российская политическая жизнь не определяется какой-либо идеологической доминантой — государственная идеология находится в стадии перманентного поиска, идеологический плюрализм создает иллюзию идеологической свободы и свободы от идеологии вообще. В действительности же, по нашему мнению, речь идет о смещении акцентов: главной идеологической задачей становится не гносеологический, а поведенческий консенсус. Сегодня, когда новые режимы и политические элиты прямо не объявляют о замене одной идеологии на другую, вербальная идеология заменяется на символическую. Такими идеологическими символами становятся события, деньги, вещи, понятия и т. д.

Представления современной вузовской молодежи о будущем

Краеугольным камнем любого идеологического поведения оказывается действие, совершенное в соответствии с иллюзорным представлением об окружающей действительности. Если верно утверждение, что мы живем — или будем жить в самом ближайшем будущем — в постидеологическом обществе (в котором действия большинства индивидов не продиктованы какой-либо идеологической системой), то это должно означать, что члены такого общества руководствуются в своем поведении собственным мнением, не зависящим от внешнего идеологического детерминирования. Тем не менее мы наблюдаем совершенно иную картину. Осознание иллюзорности определенных норм и ценностей, навязываемых идеологами, парадоксальным образом не мешает индивидам поступать в соответствии с ними. Например, по результатам нашего анкетирования очевидны сомнения большинства респондентов в том, что наша страна сможет в ближайшее время совершить значительный прорыв хотя бы в какой-нибудь отрасли (весьма расплывчатое понятие «духовности», предпочтенное некоторыми респондентами, указывает скорее на традиционную убежденность в уникальности «русской души», чем на конкретные ожидания). Но на практике позиционирование России в качестве «сверхдержавы» редко вызывает негативную реакцию*. «Все знают, что происходит на самом деле, и все-таки все действуют так, как если бы дело обстояло иначе» — такова формула современной идеологии (в отличие от традиционного для прошлых поколений незнания того, что же на самом деле происходит). Разговоры о постидеологическом обществе оказываются неоправданными. Знание о том, что идеологические штампы есть не более чем иллюзия, еще не освобождают от идеологических действий. Вместе с тем отчасти меняются акценты в самом понятии идеологии, переходя из гносеологической сферы в поведенческую. Таким образом, признание инкрименталистского характера представлений о будущем, свойственных молодежи, заставляет по-новому поставить вопрос о функциях идеологии в современном российском обществе, что может стать предметом отдельного исследования.

Литература

- Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Лапин Н.А., Беляева Л.А. М.: Эдиториал УРСС, 1996.
- Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура/ Пер. с англ.; Под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков / Сост. Федоровский Н.Г. 2-е изд. М.: Логос, 1997.
- Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации. М.: Изд-во МГУ, 2000.
- Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 38.
- Обновление России: трудный поиск решений. Вып.6. М.: РНИС и НП, 1998.

* Регулярно проводимые Фондом «Общественное мнение» опросы, в которых респондентам предлагается вопрос «Возродится ли Россия как великая держава?», показывают, что число людей, положительно отвечающих на этот вопрос, постоянно увеличивается, причем сроки для такого возрождения указываются вполне обозримые — около 10 лет (См.: www.fom.ru/reports/frames/of14201.html.)

Слотердайк П. Критика цинического разума. М.: 2001.

Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на новое столетие: Аналитический доклад РНИС и НП по заказу московского представительства Фонда им. Ф. Эберта (www.riisnp.ru/PUBLIC/russia100.htm).

Туманов С.В. Российская молодежь: смена ценностной парадигмы // Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 6. Годичные чтения «Российское общество и современный политический процесс». М., 1998.

Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.